

Шэнь Цзя казалось, будто он заблудился в глухой чаще.

Потеряв ориентиры, он слепо метался из стороны в сторону, но никак не мог отыскать тёплое и безопасное убежище.

А сумерки уже сгущались. Стайки диких кроликов спешили к холмам, птицы в небе рвались на ту сторону гор, и даже лоси, пившие у реки, с наступлением темноты сбивались в стада и скрывались в глуши.

Становилось всё темнее и тише, но Шэнь Цзя так и не нашёл своего «гнезда».

Оранжево-алое солнце зашло за горизонт, все звери исчезли, и лишь он один продолжал одиноко блуждать.

Его охватил липкий страх, перерастающий в панику.

"Не бросайте меня...

Не оставляйте меня здесь одного..."

Шэнь Цзя изо всех сил бросился вслед за ушедшими зверями, но его шаги были слишком коротки, а отчаянный крик застревал в горле, превращаясь в жалкий шёпот.

В конце концов он оступился и полетел в беспросветную бездну.

Во тьме он видел, как удаляются их силуэты.

Никто не замер, ожидая его, никто не обернулся. Ведь он был всего лишь крошечным, ничтожным муравьём.

— Малыш, проснись!

Чья-то сильная рука рывком подхватила его за запястье, вытягивая из небытия.

Векки Шэнь Цзя дрогнули, и он распахнул глаза.

— Учитель Шэнь, что с тобой? Что приснилось?

Прямо перед ним было лицо Чжоу Цзыфэя. На его брови залегла тревожная складка, во взгляде читалось нескрываемое беспокойство.

Шэнь Цзя ошеломлённо смотрел на него, не в силах вымолвить и слова. Он словно впервые разглядывал Чжоу Цзыфэя с такого близкого расстояния.

В лучах утреннего солнца он не отводил глаз, буквально впившись взглядом в черты лица напротив.

— Я... что же мне приснилось... — пробормотал Шэнь Цзя.

Детали сна уже улетучились из памяти, но то давящее, всеобъемлющее чувство одиночества, будто его бросил весь мир, всё ещё сжимало сердце. Ему до боли, до дрожи захотелось почувствовать объятия и прикосновения Чжоу Цзыфэя.

— Вертелся, плакал... Кошмар привиделся?

Словно прочитав его мысли, Чжоу Цзыфэй раскрыл объятия и крепко прижал Шэнь Цзя к себе.

Его ладонь мягко поглаживала спину партнёра. Голос Чжоу Цзыфэя, ещё хриплый после сна, низко и успокаивающе звучал у самого уха.

Шэнь Цзя принулся ближе, уткнувшись лицом в грудь Чжоу Цзыфэя. Слушая мерное, дарящее покой биение сердца, он глухо прошептал:

— Не помню... Просто обними меня.

Помолчав мгновение, он сильнее сжал руки на его спине:

— Обними так крепко, чтобы аж дыхание перехватило.

Едва слышные слова не укрылись от Чжоу Цзыфэя.

Ничего не ответив, он сжал объятия, плотно притягивая гибкое тело к своей груди и животу.

Ощущая под пальцами тонкую, хрупкую спину и узкие бёдра, Чжоу Цзыфэй внезапно произнёс:

— Кажется, будто всего за одну ночь Учитель Шэнь ещё больше исхудал.

Пальцы скользнули от выступающих лопаток к подвздошным костям, обтянутым тонкой кожей, а затем сместились ниже, к плоскому, чуть впалому животу.

От этой худобы сжималось сердце. Чжоу Цзыфэй бережно поглаживал мягкий, тёплый живот, не замечая, как Шэнь Цзя прикусил губу, а его щёки залил густой румянец.

— Не... не надо больше...

Лишь когда дрожащие пальцы Шэнь Цзя обхватили его запястье, а сам он прерывисто вздохнул, Чжоу Цзыфэй опомнился.

Почувствовав мгновенный физиологический отклик, Чжоу Цзыфэй замёр, а затем опустил взгляд на лежащего в его объятиях мужчину.

Шэнь Цзя чуть отстранился, упёршись согнутыми локтями ему в грудь, а в его глазах блеснули слёзы.

Кадык Чжоу Цзыфэя судорожно дёрнулся. Взгляд зацепился за белоснежную шею Шэнь Цзя, покрытую алеющими россыпями засосов. Вдруг до него дошло, почему Учитель Шэнь выглядел таким изнурённым.

Это была его вина — прошлым вечером он совсем не знал меры.

Вспыхнувшее желание пришлось гасить через силу. Чжоу Цзыфэй убрал руку и собрался уже откинуть одеяло, чтобы уйти в ванную, но Шэнь Цзя вдруг проявил нерешительное нетерпение.

Хотя из-за вчерашнего безумства ломило поясницу и дрожали ноги, Шэнь Цзя, точно засыхающий в пустыне путник, дорвавшийся до воды, вкусил неизведанное ранее наслаждение. И теперь... стал невероятно жадным до этой ласки.

— Ты... ты куда?

Шэнь Цзя схватил его за руку. Приподнявшись на локтях, он снизу вверх посмотрел на сидевшего на краю кровати Чжоу Цзыфэя.

Ворот его пижамы съехал в сторону, обнажая нежную кожу, где поверх старых шрамов пестрели свежие следы страсти.

Обернувшись, Чжоу Цзыфэй наткнулся взглядом на эту картину. Он перевёл взор выше: влажный блеск в глазах, слегка приоткрытые губы... В обычно кротком и мягком взгляде Учителя Шэнь сейчас плескалась неприкрытая чувственность.

После короткой борьбы с самим собой Чжоу Цзыфэй тихо спросил:

— Малыш, тебе всё ещё страшно?

Шэнь Цзя зацепился за этот предлог, оправдывающий его внезапную порывистость, и поспешно кивнул.

— Хочешь, чтобы я остался с тобой?

— Угу...

— И как же мне тебя утешить?

Чжоу Цзыфэй снова лёг на кровать, и его пальцы скользнули за отворот пижамы Шэнь Цзя.

— Погладить здесь? Или... тут?

Он слегка сжал чувствительную плоть и увлёк руку ниже.

— Не надо... — тихо выдохнул Шэнь Цзя, пытаясь остановить его ладонь.

Но в этом движении не было силы — он скорее направлял ладонь Чжоу Цзыфэя, чем удерживал её.

Чжоу Цзыфэй не выдержал и нырнул под одеяло.

— А-ах!..

Шэнь Цзя мгновенно впился пальцами в наволочку, а спустя секунду, захлёбываясь слёзами, уткнулся лицом в собственный рукав, зажимая его зубами.

На подоконник слетелись птицы. Наклоняя головки и звонко чирикавая, они с любопытством разглядывали комнату. Не найдя ничего интересного — лишь человека, свернувшегося под одеялом, — они вспорхнули и улетели.

Прошло немало времени, за окном сменилось не одно птичье семейство, прежде чем Чжоу Цзыфэй, запыхавшийся и покрытый потом, наконец вынырнул из-под одеяла.

На его переносице и щёках краснели отпечатки, а на губах и ресницах остались влажные следы.

Шэнь Цзя всё так же сжимал наволочку, не выпуская из зубов край рукава.

Накатившая волна неги долго не отпускала его, лишая способности мыслить.

— Малыш, отпусти.

Чжоу Цзыфэй сдавленным от страсти голосом сжал щёки Шэнь Цзя и, перехватив его ослабевшее запястье, осторожно вытащил мокрый от слюны рукав из его алых губ.

От недавней тоски, страха и одиночества не осталось и следа. Шэнь Цзя испытывал лишь негу и блаженство.

Ему было так хорошо... Казалось, под ласками Чжоу Цзыфэя любые невзгоды растворяются без остатка.

Может ли это повторяться каждый день? Будет ли Чжоу Цзыфэй дарить ему это снова и снова?

Затуманенный взор Шэнь Цзя медленно сфокусировался на склонившемся к нему партнёре. Он бессознательно приоткрыл рот.

Чжоу Цзыфэй, собиравшийся поднять его и отнести в ванную, замёр. Посмотрев на Шэнь Цзя, который покорно высунул кончик языка, он на мгновение лишился дара речи.

Затем, слегка сжав влажный и горячий кончик языка двумя пальцами, он дразняще усмехнулся:

— Малыш, ты что, хочешь попробовать то, что само из тебя вытекло? Неужели тебе так нравится этот вкус?

Стыд волной обжёг щёки Шэнь Цзя. Осознав, насколько развратно выглядит его порыв, он попытался спрятать язык и замкнуть губы, но Чжоу Цзыфэй не позволял ему этого сделать.

— От... отпусти... — невнятно пробормотал Шэнь Цзя.

Чжоу Цзыфэй зафиксировал его подбородок одной рукой, а пальцами другой прошёлся от кончика языка вглубь, лаская нежное нёбо, и лишь потом отпустил.

— Мой косяк, забыл, что твои губки скучают сильнее всего. Их нужно непрерывно ласкать, чтобы ты остался доволен.

Он вытер слюну, стекавшую по подбородку Шэнь Цзя, и подхватил его на руки, с тихим

смешком направляясь в ванную.

Шэнь Цзя сгорал от смущения и досады, но душевная пустота, терзавшая его с самого утра, отчасти заполнилась благодаря этой близости.

Бесконечный бег во тьме наконец-то обретал пристанище, где можно было обрести покой.

Ни один из них так и не предложил съехаться официально, но с тех самых выходных, когда Шэнь Цзя столкнулся с Лу Хэ, в его квартире стало появляться всё больше вещей Чжоу Цзыфэя.

В раковине перед зеркалом теперь стояли два стаканчика с зубными щётками, на кровати в спальне обосновалась вторая подушка, а на диване появились парные декоративные валики...

Все эти перемены происходили потому, что Шэнь Цзя стал намного сильнее тянуться к Чжоу Цзыфэю.

Чжоу Цзыфэй был только рад оставаться у него и наслаждался этой трогательной привязанностью.

Однако вскоре радость омрачилась тревожными наблюдениями: Шэнь Цзя часто плакал во сне по ночам, а на его лице застывала паника. Беспокойство и глухая тоска затаились в душе Чжоу Цзыфэя.

В очередное субботнее утро, увидав, как Шэнь Цзя ответил на телефонный звонок — как поджались его губы и виновато опустил взгляд, — Чжоу Цзыфэй понял: возможно, с этого дня Шэнь Цзя перестанут мучить кошмары, а возможно... он уйдёт в себя ещё глубже.

— Она сказала, что хочет поговорить.

Шэнь Цзя положил трубку и сжал телефон онемевшими пальцами. Он опустил голову и сел рядом с Чжоу Цзыфэем.

Он не назвал имени, но оба прекрасно понимали, о ком речь.

— Ты хочешь с ней встретиться? — мягко спросил Чжоу Цзыфэй, обнимая его за плечи.

Шэнь Цзя лишь вскользь касался темы Лу Хэ в разговорах, да и сам не знал, как рассказать больше.

Случайная встреча разрушила привычный образ матери, сохранившийся в его памяти.

Он понятия не имел, осталась ли Лу Хэ той женщиной, которую он помнил из детства.

И уж тем более не знал, как объяснить кому-то свои чувства к матери, бросившей его двадцать лет назад.

— Я...

Уткнувшись лицом в грудь Чжоу Цзыфэя, Шэнь Цзя пытался пропитаться его уверенностью и теплом, чтобы принять решение, но всё равно колебался.

Раньше он верил: если закрывать глаза на ту роковую ночь, когда она ушла, можно продолжать убаюкивать себя иллюзией, будто «мама его не бросала». Но суровая правда заключалась именно в этом — Лу Хэ ушла.

Все эти годы Шэнь Цзя пытался не думать о причинах её поступка. Но появление «младшего брата» заставило его взглянуть правде в глаза:

Тогда, много лет назад, Лу Хэ сделала выбор между сыновьями. И выбрала другого ребёнка.

— Мне... обидно. И так горько на душе, — тихо произнёс Шэнь Цзя.

Обида — странное чувство. Стоит дать ему малейшую прореху, как сдерживаемые годами горечь и боль хлынут наружу, требуя быть услышанными.

— Значит, иди. Иди и скажи ей прямо, как тебе было больно и насколько это несправедливо.

— А если она... не захочет слушать?

— Тогда твой муж тебе поможет. Не захочет слушать — я её не выпущу.

Шэнь Цзя ошарашенно уставился на него. Слово «муж» настолько выбило его из колеи, что все тяжёлые мысли мгновенно смешались в кашу.

— Ч-что?..

— Не переживай, я лишнего себе не позволю, — серьёзно заверил Чжоу Цзыфэй.

— Д-да я не об этом! Ты только что... — перебил его Шэнь Цзя.

Заветное обращение застряло в горле, и он никак не мог вымолвить его вслух.

— Что «только что»?

Невозмутимый встречный вопрос Чжоу Цзыфэя окончательно вогнал его в краску. Не выдержав стыда, Шэнь Цзя резко поднялся и сухо бросил, что ему нужно переодеться перед выходом.

Чжоу Цзыфэй пошёл следом, допытываясь, что же тот хотел сказать, но перед самым его носом с громким хлопком закрылась дверь спальни.

"Муж..."

Прижавшись спиной к закрытой двери, Шэнь Цзя мысленно повторил это слово.

Щёки обдало жаром. Он прокрутил его в голове ещё раз.

Чжоу Цзыфэй сказал: «Твой муж тебе поможет».

Даже Юй Сянхан за десять лет отношений никогда не произносил подобного — они всегда обращались друг к другу строго по имени.

А вот Чжоу Цзыфэй звал его и принцессой, и малышом, и Цзяцзя, и сокровищем... А теперь вот прозвал себя «мужем».

Выходит... он сам... тогда кто? Жена Чжоу Цзыфэя?!

Шэнь Цзя затряс головой, судорожно отгоняя эту мысль.

Нет-нет, глупости! Он же мужчина, какая из него «жена»?

Но... но ведь Чжоу Цзыфэй произнёс это с таким невозмутимым видом, словно так и должно быть. И выглядел при этом... безумно привлекательно.

Прижав ладонь к бешено стучащему сердцу, Шэнь Цзя снова и снова вспоминал тон и выражение лица Чжоу Цзыфэя.

«Твой муж тебе поможет».

Губы Шэнь Цзя сами собой расплылись в счастливой, немного глуповатой улыбке.

<http://bllate.org/book/19971/1985975>